

- ²⁰² Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Пг., 1917. С. 5.
- ²⁰³ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 288.
- ²⁰⁴ Известия ЦВПК. 1917. № 208. С. 7–8.
- ²⁰⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 516.
- ²⁰⁶ Великие дни российской революции 1917 г. ... С. 17.
- ²⁰⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 2. М., 1992. С. 341.
- ²⁰⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1252, л. 3; Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 2 марта.
- ²⁰⁹ Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г. Ч. 1. М., 1995. С. 7.
- ²¹⁰ Буржуазия накануне Февральской революции... С. 174.
- ²¹¹ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 189; Глобачев К.И. Указ. соч. С. 66.
- ²¹² Блок А.А. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 255.
- ²¹³ Отчет о торжественном заседании ЦВПК. С. 17–18.

© 2012 г. О. Ю. НИКОНОВА*

ОСОАВИАХИМ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАЛИНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (1927–1941 гг.)

Характерной особенностью сталинских технологий социальной мобилизации была опора на квазиобщественные, псевдобровольные институты, по сути являвшиеся прямыми «агентами» государства в вопросах реализации социально-экономических, внутри- и внешнеполитических приоритетов. Одной из таких организаций стало Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим). В данной статье рассматриваются функции этого военно-патриотического общества как мобилизационного механизма и специфика мотивационных факторов осоавиахимовцев.

В советской историографии это общество интерпретировалось как институционализация массового советского патриотизма и «13-миллионный резерв» Красной армии. Процесс пересмотра такой трактовки, наметившийся в конце 1980-х гг., был прерван бурными изменениями в исторической науке перестроечного и постперестроечного периодов и потерей интереса к данной теме. Между тем история Осоавиахима представляется важным элементом для понимания эпохи сталинизма. Оборонное общество, будучи патриотическим «проектом», инициированным и контролируемым государством, являлось «добровольным» лишь номинально. Механизмы социального принуждения, на которых в значительной степени основывался сталинский режим, были доминирующим «побудительным мотивом» в процессе «вербовки» советских патриотов. Однако государственный контроль и насилие не были тотальными, что давно признано историками сталинизма благодаря трудам школы «ревизионистов»¹. Механизмы принуждения порождали многообразные формы активного и пассивного сопротивления, способствовали выработке практик адаптации и приспособления, которые ставили под сомнение эффективность функционирования диктаторского режима. Одновременно дискуссии начала 2000-х гг. о «сталинской субъективности» заставили вновь переоценить отгесненные ранее на второй план идеи о важной роли идеологии в формировании нормативно-ценностных ориентаций и поведенческих практик советских граждан². Включение проблемы патриотизма в этот теоретический контекст пока еще только намечено.

Большинство современных исследователей межвоенного сталинизма единодушно подчеркивают особое значение дискурса о внешней угрозе в мобилизационных тех-

* **Никонова Ольга Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, сотрудница Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета.

нологиях большевистского режима. Вынырнувшая в «колыбели» Первой мировой и Гражданской войн новая власть быстро поняла преимущества военизированных методов управления социумом, которые, как оказалось, весьма гармонично сочетались с основными идеологическими постулатами. Вера в неизбежность новой «империалистической» войны, в которую рано или поздно оказался бы втянутым СССР, создавала плодородную почву для расцвета всепроникающей, тотальной военизации советского общества и служила мощным стимулом к развитию мобилизационного планирования³. После недолгого периода организационного хаоса, наступившего по завершении Гражданской войны, военно-политическое руководство страны стало предпринимать планомерные усилия по укреплению обороноспособности СССР. В контексте этих мероприятий находились не только реформа советских вооруженных сил, создание оборонных секторов экономики и разработка мобилизационных планов, но и формирование идеологических основ официального патриотизма и практик военно-патриотического воспитания населения.

Одним из ключевых звеньев в планах повышения обороноспособности СССР и механизме патриотической мобилизации стало оборонное общество Осоавиахим, созданное в 1927 г. в результате слияния организаций-предшественников парамилитаристского типа⁴. То, что оно появилось в период, когда закладывались основы государственного мобилизационного планирования, не случайно. Идея подобных организаций зародилась в военной среде еще во время Первой мировой войны, получила свое последовательное развитие в годы Гражданской и окончательно оформилась уже как насущная потребность в конце 1920-х гг., когда военные всерьез размышляли о том, каким будет новый мировой конфликт и пытались использовать в своих прогнозах опыт прошлых войн⁵. Осоавиахим без преувеличения можно считать «детисчем» советской военной элиты: в состав его руководящих органов (включая организации-предтечи) на протяжении 1920–1930-х гг. входили такие видные военные теоретики и руководители как П.И. Баранов, С.М. Белицкий, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.С. Каменев, Л.П. Малиновский, А.А. Свечин, М.Н. Тухачевский, И.С. Уншлихт, М.В. Фрунзе, Б.М. Шапошников, Р.П. Эйдеман и др. Отметим также, что создание объединений парамилитаристского характера было одной из примет межвоенной Европы⁶, и в этом смысле СССР вполне укладывался в общеевропейские тенденции развития общественно-политической и военной мысли эпохи и был результатом трансфера европейских концепций в военной области.

Роль Осоавиахима была двоякой: с одной стороны, этот институт служил инструментом для перевода идеологии официального патриотизма на «язык» практических мероприятий по воспитанию «любви к социалистической Родине», а с другой – был своеобразным «дополнением» к Красной армии. Смешанная, кадрово-территориальная система организации вооруженных сил и радикальное сокращение их численности после Гражданской войны заставили военное руководство искать организационные структуры для подготовки мобилизационных резервов. С 1928 по 1935 г. на оборонное общество постепенно была возложена задача вневойсковой подготовки различных категорий военнообязанных⁷. Одновременно политическое руководство страны требовало от Осоавиахима масштабной постановки воспитательной работы и обучения советских патриотов (предполагалось, что эта категория в идеале должна охватывать большую часть населения СССР).

Смешение политических резонансов с требованиями мобилизационного планирования превращали Осоавиахим в многоинституциональную систему социальной мобилизации. За счет этого оно выполняло не только прямые «прикладные» задачи по подготовке резервов, но и использовалось на других стратегических направлениях: в воспитании «нового человека», при решении проблем промышленного строительства, в процессе осуществления политического контроля и реализации репрессивных мероприятий.

Наряду с коммунистической партией, комсомолом и профсоюзами Осоавиахим был, вероятно, одним из самых масштабных мобилизационных инструментов сталин-

ского режима. Недаром в одном из учебников системы Осоавиахима приводились слова И.В. Сталина: «Мы имеем в партии более двух миллионов членов и кандидатов. Мы имеем в комсомоле более четырех миллионов членов и кандидатов. Мы имеем свыше трех миллионов рабочих и крестьянских корреспондентов. В Осоавиахиме имеется у нас больше 12 миллионов членов. В профсоюзах 17 миллионов членов. Этим организациям обязаны мы нашими успехами»⁸.

Осоавиахим выполнял функции мобилизационного института сразу по нескольким направлениям. Процедурами контроля, учета и проверки политической лояльности, механизмами социального дисциплинирования оборонное общество охватывало миллионы советских граждан и являлось одним из рычагов управления процессами выработки групповой идентичности. Будучи квазиобщественной организацией, юридически основанной на принципах самофинансирования, Осоавиахим участвовал в потоках мобилизации и перераспределения финансовых и трудовых ресурсов, в различных кампаниях в области промышленного и военного строительства. Оборонное общество выступало и в роли активного участника официального патриотического дискурса, разработки и реализации практик по формированию патриотического этоса у советского населения. И, наконец, по своему прямому назначению Осоавиахим был включен в систему создания мобилизационных резервов РККА.

Проблема эффективности функционирования оборонного общества как института остается, вероятно, одним из ключевых при интерпретации его истории. Попробуем взглянуть на эту проблему из перспективы поставленных нами вопросов о мобилизационных технологиях и мотивации и в свете общесоюзной и региональной истории парамилитаристской организации.

В секретном проекте пятилетнего плана Осоавиахима⁹, разработанном в 1929 г., главной задачей деятельности общества называлось полное обеспечение нужд обороноспособности СССР. Из документа следовало, что к концу пятилетки организация должна была объединить в своих рядах 10% населения страны. При этом подчеркивалось, что «эти проценты не являются достаточными, так как опыт последних войн показал, что не менее 12–15% населения непосредственно охватываются военными действиями»¹⁰. По сведениям Госплана, привлеченного к работе над составлением «осоавиахимовской» пятилетки, в абсолютном выражении численность парамилитаристской организации должна была составить 17 млн человек. Как пишет советский исследователь истории оборонного общества В.В. Гошуляк, запланированные масштабы оборонного общества были заведомо нереальными, и намеченной численности организация не достигла ни во второй, ни в третьей пятилетках. Принятая в советской историографии цифра – 13 млн осоавиахимовцев в 1935 г. – также оказалась фикцией. Проверки учета членов, организованные Центральным советом (ЦС) общества в 1932, 1935–1936 гг., показали, что реальная численность организации не превышала 7–8 млн человек¹¹. Но и эта статистика вызывает серьезные сомнения при знакомстве с технологией учета членов региональными отделениями. Приписки были в них обыденным явлением.

Так, председатель Уральского областного совета Осоавиахима комбриг П.С. Ершов признавался, что «районы часто берут цифры с потолка или округляют»¹². Благодаря практике записи в Осоавиахим целых коллективов (позднее запрещенной)¹³ масштабы статистических мистификаций были грандиозными. В декабре 1933 г. председатель центрального совета Осоавиахима Эйдеман лично «разоблачил» слившуюся в передовых уральскую организацию на ее областном пленуме: «Тут спорят над тем, сколько же членов в Уралосо, и ясного ответа дать не могут. Было время, полтора года назад, когда т. Ершов приезжал в Москву с цифрой в 1 миллион и утверждал, что членов не меньше, а больше. Ему аплодировали, и он на фоне этого миллиона казался внушительным. Теперь начали проверку членства в ячейках и утверждают, что не миллион, а 600–700 тысяч. Позорно низкая цифра! Есть панические люди, которые начинают утверждать, что закрепленных из этих 600 тысяч не более 150. Я же думаю, что это панические голоса. Что представляет эта цифра прошлого – миллион членов? Возможно,

она взята с потолка. Этого, к сожалению, исключать нельзя... Вероятнее же всего, что около миллиона людей за все это время действительно постучалось в дверь Уралосо, но значительная часть из них отхлынула. Мы не сумели их охватить организационно и обеспечить их воспитание»¹⁴.

В середине 1930-х гг., когда кампания по борьбе с формальным «членством» в оборонном обществе была в самом разгаре, местные функционеры в порыве самокритики раскрывали тайны массовости патриотической организации. В октябре 1935 г. на пленуме челябинского Осоавиахима руководитель из Магнитогорска делился с коллегами хорошо известными им всем технологиями составления отчетов: «Как у нас проводится учет членов? Вербовать и крышка, в том числе и я в этом повинен. Приходит председатель первичной организации, берет 5 тыс. билетов, отдает групповой организации и считает у него 5 тыс. членов ОСО, а когда мы проверили, то оказалось, в партийном комитете лежало не меньше 250 тыс. осоавиахимовских билетов, а они у нас числятся как члены ОСО, таким образом, у нас осталось 35 тыс. человек, но после переучета на сегодняшний день мы имеем 7 297 человек по округу...»¹⁵.

Однако в интересах патриотической мобилизации работали не только механизмы принуждения и бюрократические рычаги. Осоавиахим пополнялся и за счет реальных добровольцев. При этом необходимо учитывать, что мотивы вступления в оборонное общество были самыми разными. Например, сильным побудительным фактором могла быть функция «социального лифта», которую выполнял Осоавиахим.

Если следовать за размышлениями П. Бурдые, «официальная номинация или звание, например ранг диплома, имеет ценность на любом рынке, поскольку официальное определение официальной идентичности вырывает своих обладателей из символической борьбы всех с всеми, наделяя своих агентов разрешенной, признанной всеми универсальной перспективой»¹⁶.

К середине 1930-х гг. выражение «советский патриот» стало одним из публичных риторических способов самоидентификации. Членский билет Осоавиахима и «оборонные» значки превратились в овеществленные признаки статуса «нового человека», настоящего патриота и идеального гражданина СССР, стали почти такими же обязательными как комсомольский или партийный билеты. Кроме того, наряду с военными учебными заведениями и армией Осоавиахим формировал пронизанное военно-патриотической символикой социальное поле, вокруг которого режим создавал ауру престижности. Как «социальный лифт» Осоавиахим обладал и другими особенностями – например, относительной открытостью. Обязанность защищать «социалистическое отечество» стала универсальной лишь в 1939 г.¹⁷ Однако официальный патриотический дискурс и Осоавиахим уже до принятия закона о всеобщей воинской обязанности делали «классовые перегородки» в «здании» большевистского социального порядка более проницаемыми. С их помощью можно было присоединиться к группе облеченных правом-обязанностью защищать отечество, обойдя различные барьеры, непреодолимые в других институтах (военных вузах или армии), – гендерные, национальные, классовые и др.

Оборонное общество было привлекательным для самых разных категорий советского населения: поддерживавших сталинский режим (например, советской молодежи); маркировавшихся официальным дискурсом как «отсталые»; стигматизированных категорий, подпадавших под определения социально «чуждых», «бывших» и проч. Свообразием мобилизационных технологий, применявшихся в оборонном обществе при работе с так называемыми «отсталыми» категориями советского населения, можно, пожалуй, охарактеризовать термином «положительная дискриминация», предложенным Т. Мартином для обозначения политики сталинского режима в отношении нерусских национальностей¹⁸. В Осоавиахиме это нашло свое выражение в создании специальных институтов и в разработке особых методических приемов по работе с женщинами и «националами».

Ключевой группой среди «отсталых» категорий населения было, конечно же, крестьянство. С учетом перспективы будущей «большой войны» и массовых армий, имен-

но эта категория населения должна была стать основным «поставщиком» комбатантов. В ходе обсуждения проблем обороноспособности военно-политическое руководство страны признало, что в Первой мировой и Гражданской войнах солдатская масса российской, потом Красной армии проявила себя как недостаточно патриотичный, политически малосознательный, а следовательно, ненадежный и небоеспособный (при сравнении с другими, в первую очередь, немецкими комбатантами) элемент¹⁹. «Мы пришли к выводу, – рассуждал Уншлихт, – что если сказать рабочему о том, что нашей стране угрожает опасность, то рабочий это поймет, даже если эта опасность – не завтрашнего дня. Рабочий будет на чеку и, учитывая ту опасность, которая может угрожать в ближайшие годы, он примет соответствующие меры и пойдет по тому пути, который необходим для усиления нашей обороноспособности. Другое дело с крестьянскими массами. Если Вы мужику в деревне скажете, что надо готовиться к войне, ибо возможно, что на нас нападут, то он не поверит так же, как он вначале не верил Гражданской войне и выступал против нас до тех пор, пока белогвардейцы, белогвардейские элементы на занятой территории не расправились с крестьянством и не забрали у них землю»²⁰. Таким образом, опыт двух последних войн указывал на необходимость целенаправленной деятельности по культивированию патриотического этоса в среде крестьянской, а Осоавиахим выступал в качестве одного из опорных институтов такого воспитания. Однако стратегическая цель военно-патриотической работы и военизированный характер организации вступали в конфликт с классовой идеологией большевиков.

Уже в конце 1920-х гг. статистика показала тенденцию, ожидаемую в стране с преобладавшим аграрным населением: прирост Осоавиахима стал происходить главным образом за счет деревни. Создавалась угроза постепенного «размывания» рабочей прослойки общества при его дальнейшем расширении. Относительно невысокая численность партийно-комсомольского «членства» (17%) и традиционно небольшая доля военнслужащих в рядах Осоавиахима не позволяли эффективно контролировать общество изнутри. Все это заставило генерального секретаря ЦС Осоавиахима Малиновского говорить о необходимости регулирования «направления роста и социального состава общества». «Вопрос о “праве на выстрел”, особенно в деревне, – считал он, – требует особого внимания»²¹. Еще более определенно необходимость «классовой чистоты» была сформулирована в 1932 г. председателем ЦС Осоавиахима Эйдеманом: «Мы с вами обладаем очень деликатным средством – оружием. Это могущественный рычаг нашей работы. Мы этим оружием вооружаем наши пролетарские и колхозные массы. Мы не можем допустить, чтобы к этому оружию имел доступ наш враг. К этому надо прибавить: тщательная проверка, отбор людей, идущих к нам»²². Однако любой механизм «отбора людей» входил в противоречие с официальной установкой режима на массовость. С другой стороны, материальных ресурсов режима явно не хватало для организации полноценного военного обучения и патриотического воспитания и в городе, и в деревне одновременно. Вероятно, в результате сочетания нескольких факторов (боязни «классово несознательного» крестьянства, материальной скудости и проч.) определился вектор мобилизационной стратегии в деревне. Осоавиахимом был взят курс на идеологическую пропаганду. Практическую работу по военному обучению сельских жителей сосредоточили, главным образом, в территориальных частях РККА²³.

Довольно быстро выяснилось, что абстрактные патриотические лозунги не находили должного отклика среди крестьян²⁴. Поэтому «обработка» населения в деревне строилась на основе «развлекательных» и «игровых» методик, а также на акцентировании прикладных, не связанных напрямую с военной подготовкой, аспектов деятельности Осоавиахима. В агитационной литературе²⁵, лекторской работе, в деревенских военных уголках сделали упор на пропаганду таких сфер деятельности оборонного общества, как химизация сельскохозяйственного производства, помощь деревне в использовании минеральных удобрений и борьбе с грызунами, обработка полей с аэропланов. В структуре организаций оборонного общества появились истребительные станции, которые занимались борьбой с сельскохозяйственными вредителями.

На деревенскую молодежь была ориентирована пропаганда спорта и физической культуры. Учебник, подготовленный Б. Леонтьевым специально для системы Осоавиахима, рекомендовал устраивать в деревне военно-физкультурные городки: «В таком физкультурном городе постепенно налаживается сдача норм ГТО, на ворошиловского стрелка, молодежь учится военному строю, метанию гранат, а попутно развлекается, проводит игры, танцы и т.д. Имея такой городок можно весело отпраздновать большой праздник, устроить парад, соревнования и постепенно перейти к другим, более серьезным видам военной подготовки: изучению противогаза, подготовке метких стрелков, парашютисток, связистов, санитарок»²⁶. Вероятно, прикладная направленность пропаганды и развлекательно-игровые формы практической работы по военному обучению находили отклик в душах «отсталых» крестьян. Как подчеркивали уральские осоавиахимовские функционеры, в некоторых случаях рост деревенских ячеек происходил исключительно благодаря увлекательным лекциям о борьбе с грызунами²⁷.

Основным препятствием на пути проникновения Осоавиахима в деревню была слабость материальной и кадровой баз. В результате, на Урале оборонному обществу так и не удалось внедрить свой патриотический проект. Руководители областного Осоавиахима признавали организацию «городской» как в конце 1920-х гг.²⁸, так и накануне Великой Отечественной войны²⁹. Материалы органов политического контроля, наблюдавших за настроениями крестьян в деревнях и в территориальных частях Красной армии, свидетельствовали о весьма неоднозначном отношении населения к вопросу о защите «социалистического отечества»: спектр мнений простирался от выражений политической лояльности до признания международной политики СССР агрессивной и сочувственного отношения к слухам о скорой гибели советской власти в результате новой войны³⁰.

Неудачными оказались и попытки патриотической мобилизации нерусского населения Советского государства. Проблема вовлечения его представителей в Осоавиахим решалась на протяжении межвоенного периода долго и безуспешно. Уже на I съезде Авиахима (январь 1927 г.) в выступлениях делегатов были подняты вопросы о трудностях работы в национальных районах СССР. Отвечая на них, Уншлихт озвучил установку руководства оборонного общества, которая была типичным для большевиков проявлением «культурного империализма». Признав правоту «товарищей из окраин», сетовавших на отсутствие «должного внимания», он сослался на ограниченность центральных ресурсов: «Понимание роли и задач у нас имеется, но мы до сих пор в недостаточной степени их могли обслужить. Мы должны, несмотря на то, что значительно увеличились расходы, бросить туда работников. Надо учесть, что культурный уровень окраин ниже центральных губерний и что, исходя из этого, необходимо больше работы, больше усилий, чем в центральной части нашего союза»³¹.

В начале 1930-х гг. специальная директива ЦС общества обязала местные отделения «организовать подготовку руководящих кадров для Осоавиахима среди национальностей, а также инструкторов-пропагандистов, кружковцев и др. из числа националов», «принять решительные меры к коренизации аппаратов», использовать в национальных районах такие формы работы, как «передвижные школы» и «агиткибитки», укомплектованные кадрами, владевшими местными языками. В структуре руководящих органов на местах должны были появиться специальные инструкторы и национальные секторы. Отдельной строкой прописали требования укрепить районные советы «нацменами», составить особый план работы среди нацменьшинств и усилить издание национальной литературы³². Однако добиться притока национальных кадров в организацию так и не удалось. Работа с «националами» оказалась слишком затратной и трудоемкой из-за языкового и культурного барьера и вскоре отошла на второй план.

К отдельным случаям, когда мобилизационные технологии Осоавиахима находили отклик среди нерусского населения, руководство оборонного общества и партийная элита относились настороженно. Например, уже в середине 1920-х гг. в Башкирии появились кружки военных знаний. В Уфе их было около 26, а в считавшемся одним из лучших по военной работе Бирском кантоне – 41, что значительно превышало показа-

тели по некоторым «русским» уездам и городам³³. Бирский кружок «Чеверевец» был отмечен руководством Приволжского военного округа за активную работу с молодежью, имел собственный устав и был построен по образцу армейского подразделения³⁴.

В 1927 г. в результате мобилизационных кампаний «Наш ответ Чемберлену» и «недели обороны» в региональных отделениях Осоавиахима стали появляться военизированные формирования. Особенной активностью отличались территории с давними военными традициями, например, казачьи. Башкирия также оказалась на переднем фронте этой инициативы³⁵. При живом участии республиканского руководства в Уфе был создан 1-й Башкирский полк Осоавиахима. Вскоре в кантонах организовали еще 4 полка, 6 отдельных батальонов и 1 отдельную роту, обсуждался вопрос об объединении их в дивизию³⁶. Командир Уфимского полка и одновременно начальник территориального управления Красной армии в Башкирской республике Малышев так объяснял активное участие населения: «Практика двух лет наиболее развитой военно-общественной работы в Башкирской республике по линии ОСО и Осоавиахима в формах кружков военных знаний, наряду с существенными достижениями выявила целый ряд недостатков, наличие которых в значительной степени тормозило дальнейшее развитие военизации населения... Изучение этих обстоятельств привело к мысли сделать попытку найти новые формы общественной работы, кои, если не целиком, то в известной мере обеспечили бы изжитие указанных недостатков. В течение продолжительного времени прорабатывая этот вопрос, лично я пришел к выводу о необходимости изменения организации военной работы в форму, приближающуюся к войсковой организации»³⁷. Однако военизированные формирования, возникшие в Осоавиахиме в конце 1920-х гг., быстро ликвидировали. По признанию Уншлихта, основной причиной была невозможность организовать «политический контроль» над ними³⁸. В дальнейшем башкирское руководство оборонного общества больше не пыталось «оживить» интерес населения к военно-патриотической работе методами, расходившимися с генеральной линией. Постепенно и центральный аппарат Осоавиахима, занятый другими проблемами – бюрократизацией, репрессиями и неэффективностью патриотической мобилизации – отодвинул национальный вопрос на второй план. Верхушка оборонного общества считала, что существуют более важные, чем «националы», целевые группы.

Гораздо более успешным вариантом мобилизационной стратегии, рассчитанной на «отсталые» категории, была политика Осоавиахима в «женском вопросе». Сразу после создания «единой оборонной» в ЦС создали подсекцию по работе среди женщин, руководителем которой стала А.В. Артюхина, возглавлявшая отдел работниц и крестьянок ЦК ВКП(б)³⁹. Работа с женщинами строилась, главным образом, на эманипационной риторике и демонизации будущей войны. Идея «тотального» конфликта, без четкого разделения на фронт и тыл, в который будет вовлечено все население воюющих стран, оказывалась весьма эффективным средством в работе с «защитницами» социалистического отечества. И хотя руководство Осоавиахима так и не решилось полностью уравнять мужчин и женщин в вопросах овладения военными специальностями, именно через систему оборонного общества стал возможен массовый приток женщин в авиацию, снайпинг, противовоздушную оборону. Результатом оказалось беспрецедентно массовое использование женщин в годы Великой Отечественной войны – и в качестве комбатантов, и во вспомогательных службах РККА⁴⁰.

Необходимо оговориться, что функции относительно открытого социального пространства, которые выполнял Осоавиахим, постоянно корректировались репрессивной политикой сталинского режима. В частности, в результате Большого террора в оборонном обществе так же, как и в РККА, произошла смена поколений: когорту военных руководителей и инструкторов различных уровней, участвовавших в Первой мировой и Гражданской войнах, сменили люди, не имевшие военного опыта. Накануне Великой Отечественной войны стаж многих инструкторов системы Осоавиахима измерялся двумя-тремя годами.

И все же основной целевой группой военно-патриотической работы были не определенный «класс» или гендерная категория, а поколение. Именно дети, родившиеся в

конце первого – начале второго десятилетия XX в., составили в межвоенный период «призывной контингент», а следовательно, поколение солдат и командиров будущей войны. Мобилизационные технологии Осоавиахима были выстроены таким образом, чтобы заинтересовать и увлечь в первую очередь молодежь. В публичной риторике осоавиахимовские руководители активно пропагандировали не только патриотические символы и ценности, но и новый стиль жизни, включавший в себя занятия спортом и физической культурой⁴¹, а также образцовые гендерные репрезентации⁴² – полярных летчиков и исследователей, женщин-авиаторов, выдающихся спортсменов.

Комбинирование патриотического воспитания с растущей популярностью спорта и техники, пропагандой гендерных идеалов, милитантности и цивилизационных ценностей (чистоты, культурности и проч.) в мобилизационных целях эффективно использовалось многими политическими режимами межвоенной Европы. В этом аспекте СССР скорее укладывался в общемировые тенденции эпохи, нежели выбивался из них. В идеологическом плане это даже приводило к эрозии классовых принципов, что видно по популярности в СССР голливудских «героев» или зарубежных спортсменов⁴³.

Стратегические соображения по вопросу подготовки мобилизационных резервов сформулировал в 1928 г. Уншлихт. Он считал, что для начала «массы» необходимо заинтересовать, найти такие формы, которые привлекли бы их, оказались приспособлены к их уровню, связаны с повседневной жизнью: «Практика показала, что такими формами массовой работы являются всякого рода гулянья, экскурсии, соревнования, вечера вопросов и ответов, специальные конференции по принципу массового представительства и т.д.»⁴⁴. Уншлихт также особо подчеркнул значение радио и кино, агитоблетов и агитобездов, туризма. Достичь оживления массовой военно-патриотической работы предполагалось путем внесения в нее элементов «спортизации» и усиления соревновательных методов, за счет сочетания учебы с дополнительными, «наиболее интересными для обучаемых видами работы». Агитационно-пропагандистскую деятельность рекомендовалось облекать в театрализованные и художественные формы (живые газеты, инсценировки, литмонтаж, вечера обороны, художественные чтения с показом диапозитивов, хоровое пение)⁴⁵.

В соответствии с особенностями молодежной целевой группы важную роль в патриотической мобилизации играли перформативные акции. Такие формы мобилизационной работы, как военные «прогулки» и походы по местам боевой славы, военизированные праздники, состязания и военно-спортивные игры были наиболее зрелищными. Они не только отвечали стремлению сталинского режима к постоянному публичному воспроизводству и инсценированию власти, но и соответствовали психоэмоциональным возрастным характеристикам молодежной «мы-группы».

Однако наряду с развлечением, игрой, незаметной прививкой патриотизма и политической индоктринацией военное руководство Осоавиахима не упускало из вида и задачи начального военного обучения. В конце 1920-х гг., когда материальная база общества и его инструкторский состав оставались наиболее слабыми звеньями в системе военно-патриотического обучения и воспитания, его целенаправленная деятельность по подготовке мобилизационных резервов также находилась в зачаточном состоянии. Учитывая ограниченность ресурсов, Уншлихт в 1928 г. предложил: «В деле военной подготовки широких масс мы должны ставить себе элементарные, простые, строго конкретные задачи. Научить стрелять, обучить простейшим тактическим приемам, уметь обращаться с противогазами и т.д., мы должны добиваться этих и подобных реальных достижений в нашей практической военной работе»⁴⁶.

В середине последнего предвоенного десятилетия институциональная структура оборонного общества окрепла и расширилась. Помимо традиционных военно-учебных пунктов для обучения резервистов появились учебные центры, включавшие в себя вечерние командные школы, военизированные лагеря, кавалерийские школы, конно-спортивные клубы, комсомольские и постоянные учебные строевые подразделения. Создавались также школы снайпинга и инструкторов стрелкового дела, спортивные стрелковые клубы и клубы «Юного ворошиловского стрелка». По линии авиации в

номенклатурном списке значились аэроклубы, планерные станции, авиамодельные лаборатории, парашютные и летно-планерные школы. Профильные учебные пункты, центры, курсы и школы появились в области военно-морского дела и противовоздушной и химической обороны (ПВХО). Некоторые организации имели в своем составе комитеты и инструкторов по военно-научному делу, голубеводству и собаководству⁴⁷. Без существенных изменений такая структура оборонного общества сохранилась практически до начала Великой Отечественной войны.

Благодаря мобилизации внутренних материальных ресурсов (помощь промышленных предприятий, целевые мобилизационные кампании) и дотациям из центра, многие региональные общества обзавелись полноценным набором учебных учреждений. Здесь «обязательные контингенты» – резервисты первой очереди, которые «разверстывались» по военным округам согласно мобилизационному плану и с соблюдением строжайшей секретности. Через них же продолжалась и массовая военно-патриотическая работа. Во второй половине 1930-х гг. ее доминантой стала кампания по сдаче оборонных норм. Идея оборонных нормативов и знаков, которые выдавались за их выполнение, оказалась весьма удачной находкой. В середине и второй половине предвоенного десятилетия сложился целый комплекс нагрудных знаков Осоавиахима⁴⁸, самым престижным и желанным из которых был, пожалуй, значок «Ворошиловский стрелок». Советская историография с пафосом отмечала, что счет его обладателей к концу 1930-х гг. шел на миллионы, а V пленум ЦС Осоавиахима назвал «Ворошиловского стрелка» «популярнейшим значком в нашей стране»⁴⁹.

Несмотря на явные успехи оборонного общества в деле налаживания институциональных основ систематической военной подготовки населения, на вопрос об эффективности его деятельности нельзя дать однозначного ответа. В провинции нередкой была профанация подготовки значкистов. В отчетах районных и городских советов уральских организаций Осоавиахима во второй половине 1930-х гг. вместо абсолютных показателей в «людях» все чаще стали встречаться проценты, демонстрировавшие перевыполнение в 1.5–2 и более раз. Некоторые руководители, пользуясь возможностями принятого ритуала самокритики, поясняли происхождение этих цифр. Один из них красочно описал знакомую всем ситуацию: «Здесь выступали товарищи и говорили о том, что у нас значкисты пачками готовятся. Это действительно так. На инструктора нажимают: “подготовьте 1500 чел. значкистов ПВХО и т.д.”⁵⁰. И вот Сидоров или Петров подготовят этих значкистов, и тогда говорят: “Поднять на знамя Сидорова, 25 раз во всех положениях его сфотографировать”, 50 раз напишут в газете, а пройдет месяц-полтора ни о значкистах, ни о Сидорове ничего не известно. Возьмем Уралмашзавод, где очень много и в очень короткий срок наготовили этих значкистов, нажимают, ничего не поделаешь, приходится готовить. И один инструктор на 15 кружков бегаёт, через полчаса занимается». Следующий осоавиахимовский функционер жаловался на инструктора-общественника, который готовил значкистов ПВХО на собраниях и торжественных заседаниях: «Прошли торжества, начались будни, мы решили этих значкистов проверить... И все они сдали только на “плохо” и то с минусом»⁵¹. По признанию руководителя Саткинского Осоавиахима, из 300 «ворошиловских стрелков», подготовленных в районе в 1935 г., 40% «совершенно стрелять не могут»⁵². Четыре года спустя почти в тех же выражениях охарактеризовал своих значкистов председатель свердловского городского совета Осоавиахима Леонтьев⁵³. Другой руководитель не без иронии назвал подготовленных «ворошиловских стрелков» «калеками»⁵⁴.

Вопреки признанию «неполновесности» осоавиахимовских миллионов, необходимо понимать, что даже в урезанном состоянии оборонное общество стало «винтиком» в механизме хитрого советского «хозрасчета». Большая часть «миллионного» отряда советских патриотов в реальности была плательщиком взносов. Будучи, согласно уставу, общественной, добровольной организацией, Осоавиахим должен был существовать и развиваться благодаря этим «копеечным» отчислениям⁵⁵. Но они являлись не единственной статьёй пополнения бюджетов оборонных обществ. Помимо взносов

физических лиц существовали еще взносы юридических лиц, которые отнюдь не были «копеечными». Так, когда у уральской организации Осоавиахима не оказалось собственных средств, чтобы закончить строительство Дома обороны в Свердловске, Эйдеман провел в Москве решение о вступлении ЦС в Уралосо в качестве юридического члена со вступительным взносом в 30 тыс. руб.⁵⁶ Кроме этого, доходная часть бюджетов оосавиахимовских организаций складывалась из добровольных пожертвований (сборов во время мобилизационных кампаний), реализации оосавиахимовских лотерей и коммерческих поступлений.

Нельзя сказать, что собираемость членских взносов в местных отделениях оборонного общества была хорошей, а их коммерческие предприятия – успешными. Анализ хозяйственной деятельности Уральского Осоавиахима скорее говорит об обратном. И все же игнорировать Осоавиахим как один из «каналов» мобилизации дефицитных материальных ресурсов ни в коем случае нельзя. «Приходная часть» совокупного оосавиахимовского бюджета, согласно плану пятилетнего развития общества, принятому в 1930 г., должна была составить почти 123 млн руб. Почти 37% этой суммы обеспечивали отчисления от членских взносов, собранных на местах⁵⁷. Важными статьями дохода стали оосавиахимовские лотереи. В 1928 г. II пленум Осоавиахима назвал «фонд, вырученный от лотереи (790.000 руб.)», «крупнейшим источником выполнения производственного плана»⁵⁸. Два года спустя утвержденные показатели оосавиахимовской пятилетки предполагали, что поступления от лотерей составят 23.5 млн руб.⁵⁹ Другими важными источниками дохода были хозрасчетные договоры на оказание различного рода платных услуг⁶⁰ и поступления от патриотических кампаний. На местах нередко проводили «мобилизацию средств» на разовые события – постройку именного самолета, аэродрома, танка. Для сбора таких средств «спецназначения» даже учреждались особые инспекторы.

Конечно, часть собранных членских взносов и доходов, полученных от различных оосавиахимовских мероприятий и «предприятий» разворовывалась и оседала в карманах предприимчивых дельцов от оборонного общества. Тем не менее, даже с учетом масштабных хищений и финансовых злоупотреблений в системе Осоавиахима, эта организация была скорее «донором» мобилизационной советской экономики, нежели получателем субсидий. Это прекрасно понимали даже низовые оосавиахимовские функционеры. Выступая на II областном пленуме Челябинского Осоавиахима, председатель районного совета Верхне-Уральска сказал: «Мы для Магнитогорска выкачали из Верхне-Уральска 35 тысяч рублей... После этого проводим кампанию по сбору на стройку гигантов. Приходит 18 августа, начинаем собирать на развитие авиационного спорта. Только это прошло, реализуем девятую лотерею. И сейчас какая история получается – приходишь в цех или на предприятие, или в учреждение, так они спрашивают – ты чего, опять за деньгами пришел? Ведь мы рабочих как дойную корову доим, а что мы им даем?»⁶¹.

При всей неэффективности хозяйственного механизма оборонного общества, принцип максимальной централизации финансовых поступлений и их последующего перераспределения на стратегических направлениях действовал безотказно. Примером могут служить самолеты и танки, построенные на средства советских граждан и названные именем того или иного предприятия или колхоза, о которых достаточно много и часто писалось в советской литературе, посвященной истории Осоавиахима. Эти факты обычно интерпретировались как самое убедительное доказательство патриотического подъема в СССР. Однако в исследованиях не упоминалось, что помимо создания этих материальных свидетельств советского патриотизма финансовые ресурсы, сконцентрированные благодаря парамилитаристским организациям, использовались и для более ординарных вещей. Так, еще в пору деятельности созданного в 1923 г. Общества друзей воздушного флота его председатель Каменев разрешил Управлению военно-воздушных сил РККА нецелевое расходование средств, поступивших на именные самолеты. В результате из более чем 2 млн руб., собранных советскими гражданами в 1923–1924 гг., по назначению были использованы лишь немногим более

52 тыс. руб., остальные пошли на строительство, ремонт, закупку запасных частей, издание учебных пособий и т.п.⁶²

Практика экономической поддержки Красной армии получила широкое распространение и на местах. В 1931 г. Уралосоавиахим в ознаменование Дня Красной армии передал «штабу корпуса» «на укрепление боевой мощи и углубление внесборово́й подготовки» 200 тыс. руб., на моторизацию воинских частей – 500 тыс., на индивидуальное премирование «за отличное усвоение боевой учебы и постановку в отдельных частях осоавиахимовской работы на показательную высоту» кадрового начсостава и политработников – 10 тыс. руб., комсостава запаса – 5 тыс. руб. К очередной годовщине освобождения Урала от Колчака командование штаба 57-й Уральской дивизии получило 3 тыс. руб. «на организацию кабинета командирской учебы»⁶³.

Осоавиахим представлял собой и неявный мобилизационный ресурс на рынке труда. Согласно официальной идеологии, одной из задач оборонного общества в мирных условиях считалось активное участие в социалистическом строительстве и выполнении пятилетних планов. Известной осоавиахимовской инициативой начала 1930-х гг. стало движение за превращение промышленных предприятий в «крепости обороны»⁶⁴; когда работники предприятий брали на себя производственные и оборонные обязательства одновременно. Таким же способом эксплуатации дешевого или бесплатного труда было и создание из осоавиахимовцев ударных бригад, а также появление в отчетах сельских оборонных обществ обязательного пункта – сбор урожая с «га обороны».

Оборонное общество нередко становилось дополнительным рычагом, помогавшим совершить производственный рывок на том или ином участке «ударной стройки пятилетки». Именно по такому сценарию развивались события в уральской организации Осоавиахима. Жесткая критика московской комиссии, проверявшей Уралосоавиахим в 1931 г., заставила местное руководство бросить все имевшиеся ресурсы на наиболее важные участки индустриализации в крае (Магнитострой, Златоуст, Березники, Уралмедьстрой, Надеждинск, Верх-Исетский завод, Уралмаш, Челябинский тракторострой и др.). Президиум намеревался превратить эти предприятия в «решающие опорные пункты осоавиахимовской работы, добиваясь образцовой ее постановки». Для этого предполагалось пополнить «избранные» оборонные общества квалифицированными работниками и улучшить их снабжение. Чтобы вши, клопы и тараканы, во множестве расплодившиеся в общежитиях и бараках «ударных» производств, не отвлекали рабочих и их семьи от «необходимого отдыха» и не создавали «угрозу срыва в своевременном окончании этих важнейших строек», было принято решение организовать истребительную станцию⁶⁵.

Обсуждая итоги «штурма осоавиахимовской работы» в Березниках, президиум уральского областного совета Осоавиахима отметил наряду с другими успехами и создание 63 ударных осоавиахимовских бригад. Все рабочие предприятия перечислили свой однодневный заработок на постройку самолета «Березниковец». Для закрепления успеха в Березники на постоянную работу намеревались отправить четырех представителей облсовета, выделить предприятию дотацию в размере 100 тыс. руб. на постройку газозубежища, дома обороны, «химгородка» и тира, а ударников наградить денежными премиями и предметами одежды. «Учитывая положительный опыт», в индустриальные центры решили систематически посылать выездные бригады⁶⁶.

На локальном уровне мобилизация трудовых ресурсов нередко осуществлялась и без громких лозунгов. Классическим случаем, неоднократно выявлявшимся ревизионными комиссиями при проверке уральского Осоавиахима, было использование на лесозаготовках труда допризывников, прибывших в лагерь для изучения военного дела⁶⁷.

Если рассматривать Осоавиахим в качестве канала перераспределения материальных и трудовых ресурсов в обществе тотального дефицита, каким был сталинский СССР между двумя войнами, то необходимо отметить, что его члены стали активными участниками этого процесса. Помимо идеологических убеждений, стремления сделать карьеру или социальной мимикрии мотивы обладать членским билетом Осоавиахима

были и чисто прагматическими. Наряду с весьма специфическими предметами оборонного «назначения» – противогазами, малокалиберными винтовками и моделями военной техники, через Осоавиахим распределялись товары потребительского характера: военное обмундирование и обувь, продовольственные пайки для комсостава, велосипеды и радиоприемники, конская упряжь и прочие полезные в хозяйстве вещи. Конечно, большая часть наиболее дефицитных предметов перераспределялась на уровне функционеров и инструкторского состава, а также расхищалась обслуживающим персоналом осоавиахимовских лагерей и военно-учебных пунктов.

При определенной ловкости и сообразительности руководящий работник местного уровня мог значительно увеличить ежемесячные поступления в свой кошелек. Уже в первый год работы Осоавиахима на Урале в областной совет стали поступать сообщения о финансовых нарушениях: «Растраты обнаружены в Пермском, Тюменском, Нижне-Тагильском, Ишимском и Верхне-Камском округах. Минимальная сумма выявленных растрат около 3 тыс. руб. В Перми счетовод Попов, растративший 2.5 тыс. руб. осужден на 2 года. В Кизеле секретарь райсовета Крашенинников за растрату 500 руб. отбыл наказание 2 месяца отсидки, растрата произведена в связи с разложением ряда работников Кизела. В Ишиме ответственный секретарь окрсовета Комаров отдан под суд за растрату около 600 руб., в Тюмени ответственный секретарь Горбунцов (партиец), морально разложившись, присвоил себе суммы, вырученные от вещевой лотереи (не установлено, в какой сумме). В Ирбите в одной ячейке растрчено 230 руб. Было также разложение двух ответственных работников Урал Осоавиахима – Михалева (бывший ответственный секретарь) и Сальцевича (бывший уполномоченный лотерейного комитета по 2-й авиалотерее), оба исключены из партии и с 7 марта сидят в изоляторе. Были растраты и в ряде других районов, но полных сведений на запрос не поступило»⁶⁸.

В условиях, когда многие предметы потребления были редкостью, Осоавиахим предоставлял своим работникам и их родственникам шанс превратиться в счастливых обладателей костюма или ботинок. Один из контролеров Челябинской областной ревизионной комиссии В.П. Яшкин по результатам своей проверки составил следующую докладную: «Довожу до вашего сведения, что при выезде меня в Верхнеуральский райсовет Осоавиахима 21 июля 1935 г. обнаружена неправильная выдача амондирования табельного⁶⁹, которое выдается лицам, не имеющим никакого отношения к организации Осоавиахим. Например, выдано военному делопроизводителю горсовета Пожарову следующее: шинель, брюки суконные, ремень. Бывший заместитель предрайсовета Делихов получил: шинель, суконные брюки, гимнастерок суконных 2 шт., хромовые ботинки, ремень. Отработал 5 месяцев и ничего не сдал. Начальник Б.П. [боевой подготовки] райсовета получил: шинель, брюки суконные, гимнастерок суконных 2 шт. С работы ушел и ничего не сдал. О чем довожу до вашего сведения. 25 июля 1935 г.»⁷⁰ Начальник Катав-Ивановского ВУПа Ходунов, как указывалось в отчете областной ревизионной комиссии от 12 мая 1936 г., посчитал баян, числившийся за учебным пунктом, излишней роскошью для допризывников и посему «перенес на квартиру своему двухлетнему сынишке»⁷¹.

Отдельные «ручейки» дефицитных товаров иногда достигали и рядовых членов. Не последнюю роль в этом играла и предприимчивость работников оборонного общества. В 1935 г. на областном пленуме челябинского Осоавиахима прозвучала анекдотическая история, героем которой оказался руководитель одного из районных советов. Этот сметливый работник, который после разоблачения не мог оказаться никем иным как «белогвардейцем», реализовывал через осоавиахимовскую снабженческую организацию майки, в нагрузку к которым прилагался членский билет общества⁷².

Согласно официальным репрезентациям межвоенного сталинизма, Осоавиахим был масштабным институциональным «воплощением» массового советского патриотизма. В действительности многомиллионный «отряд» патриотов и «резерв» РККА в подавляющем большинстве состоял из плательщиков взносов. В одном из крупнейших региональных отделений, Осоавиахиме Урала, в практической деятельности было занято в среднем примерно от 20 до 40% членов. Трудно управляемая и быстро

«обюрократившаяся» организация не справлялась с задачей эффективной подготовки мобилизационных резервов, которая была возложена на нее в середине последнего предвоенного десятилетия.

В провинциальном «разрезе» оборонное общество функционировало больше как институт мобилизации финансовых и трудовых ресурсов. Лишь на отдельных направлениях: в подготовке парашютистов, деятельности аэроклубов, «штучном» обучении снайперов – оно способствовало созданию кадровой основы для формирования авиационных и десантных подразделений, снайперских команд, подготовило почву для массового привлечения женщин во вспомогательные и боевые части Красной армии.

Массовое военно-патриотическое воспитание и обучение, несмотря на постоянное подчеркивание его важности, во многом оставалось на уровне лозунгов и пропаганды. Ограниченность материальных и кадровых ресурсов зачастую превращала оборонную работу на периферии в профанацию. Следствием малоквалифицированного инструкторского состава и нищенской материальной базы был чрезвычайно низкий уровень военного обучения. В результате, «подготовленные» пулеметчики иногда «не стреляли из пулемета», а «ворошиловские стрелки» не могли попасть в цель.

Можно ли считать, с учетом этого, что деятельность Осоавиахима в провинции была, как выразился один из функционеров общества, «стрельбой по воробьям»? Действительно, задача подготовки хорошо обученных и патриотически настроенных боевых резервов РККА не выполнялась или выполнялась крайне неэффективно. Вместе с тем за почти два десятилетия существования организаций парамилитаристского профиля даже в отдаленной от центра провинции удалось создать институциональную сеть для целей военной подготовки, переподготовки и обучения. В случае необходимости эта сеть могла быть использована для обучения боевых резервов в тылу, что и произошло в годы Великой Отечественной войны.

Осоавиахим наряду с прочими социальными и политическими институтами эпохи рассматривался маргинализированными и стигматизированными субъектами сталинского общества как один из каналов приспособления и выживания, «лифт» для социальной карьеры.

Примечания

¹ См.: *Меньковский В.И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007. С. 160–169.

² См.: *Hellbeck J.* Tagebuch aus Moskau: 1931–1939. München, 1996; *Halfin I., Hellbeck J.* Steven Kotkin's Magnetic Mountain and the Soviet Subject // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. № 3. S. 331–342; *Davies S.* Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997; *Halfin J.* From Darkness to Light: Student Communist Autobiographies of the 1920s // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. № 2. S. 210–236; *Das wahre Leben: Tagebücher aus der Stalin-Zeit*. Berlin, 1998; *Halfin J.* From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000; *idem.* Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the Twenties and Thirties // *Language and Revolution. The Making of Modern Political Identity*. London, 2001; *idem.* Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. Harvard, 2003. См. также форум журнала *Ab Imperio* «Анализ практик субъективации в раннесталинском обществе» (2002. № 3).

³ См.: *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008.

⁴ Наряду с Осоавиахимом в процесс патриотического воспитания и военной подготовки населения были включены и другие квазиобщественные организации – компартия, комсомол и пионеры, добровольные спортивные общества, учебные заведения и РККА.

⁵ *Никонова О.Ю.* Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С. 116–119.

⁶ Например, щюцкоровские организации в Австрии и Финляндии, эстонский кайтселлит, латвийские айзсарги и др., нацистская организация молодежи «гитлерюгенд». Собственных воензированных формирования существовали у многих политических объединений в Европе, придерживавшихся как праворадикальной, так и социал-демократической платформ. Характерной особенностью этих парамилитаристских организаций была их добровольность, хотя со временем многие из них стали пользоваться государственной поддержкой.

⁷ Никонов О.Ю. Указ. соч. С. 207–208.

⁸ На страже СССР. Учебное пособие для проведения политических занятий на учебных пунктах и в лагерях Осоавиахима. М., 1934. С. 128.

⁹ РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 65, л. 199–208 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гошуляк В.В. Оборонно-массовая работа партии в годы довоенных пятилеток, 1929 – июнь 1941 гг. М., 1989. С. 83–84, 132.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. Р-2516, оп. 1, д. 2, л. 89–99.

¹³ Зарзар В. Крепи оборону СССР. Осоавиахим на страже завоеваний Октября. М.; Л., 1927. С. 24.

¹⁴ Эйдеман Р., Урицкий С. Создать на Урале мощную организацию Осоавиахима. Свердловск, 1934. С. 21–22.

¹⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГА ЧО), ф. П-1052, оп. 1, д. 104, л. 230–233. О «потерях» других организаций за время переучета см.: там же, ф. П-92, оп. 1, д. 411, л. 6–11.

¹⁶ Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2005. С. 28.

¹⁷ В 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности.

¹⁸ См.: Martin T. The affirmative action empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

¹⁹ Подробнее см.: Nikonova O. «Der Kult des Heldenmutes ist nötig, um Siege zu erringen...» Sowjetisches Militär und Erfahrungen des Ersten Weltkrieges // Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen. Berlin, 2004. 185–199.

²⁰ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 1, д. 60, л. 62–63. Слова Уншлихта, конечно, нельзя полностью принимать за чистую монету. Налицо преувеличение сознательности рабочих, свойственное советской публичной риторике в целом.

²¹ РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 65, л. 90–94 об.

²² См.: ГА РФ, ф. Р-8366, оп. 1, д. 60, л. 187–247.

²³ «Районы комплектования территориальных дивизий следующие: почти все губернии Украины, 7 губерний Московского округа, 4 – Ленинградского, 2 – Западного, в том числе и Белорусская республика, 8 губерний Поволжья и Урала, в том числе Татарская и Башкирская республики, 4 области Северного Кавказа и 1 губерния Сибири. Из крупных рабочих центров комплектованием охвачены: Иваново-Вознесенск, Ленинград, Харьков, Екатеринослав, Артемовск, Киев, Урал, Донбасс. Социальный состав территориальных дивизий таков: в крестьянских районах – 90% крестьян и 10% рабочих, в промышленных процент рабочих достигает 25–30%» (Доклад начальника ГУ РККА В.Н. Левичева в РВС СССР о милиционно-территориальных формированиях РККА от 16 августа 1925 г. // Реформа в Красной армии: документы и материалы, 1923–1928 гг. [в 2 кн.]. Кн. 1. СПб., 2006. С. 395–396).

²⁴ Бюллетень Осоавиахима. 1927. № 10. С. 7.

²⁵ См., например: Митрополевский А. Зачем рабочим и крестьянам нужен Авиахим. М., 1926.

²⁶ Леонтьев Б. Вооруженный народ. М., 1936. С. 118.

²⁷ ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 2, л. 15–23.

²⁸ Материалы 1-го Уральского областного съезда Осоавиахима. 16–19 января 1928 года. Свердловск, 1928. С. 4.

²⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф. 61, оп. 2, д. 1212, л. 3.

³⁰ Никонова О.Ю. Советская пропаганда, война и неформальная коммуникация на Урале в 1920–1930-х гг. // Проблемы истории российской цивилизации: Труды научно-специализированной конференции преподавателей вузов, ученых и специалистов. Челябинск, 2008. С. 41–53.

³¹ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 1, д. 3, л. 148–164.

³² ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 151, л. 5–6.

³³ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан, ф. 341, оп. 1, д. 232, л. 30–32 об.

³⁴ Там же, л. 34–36 об.

³⁵ Вплоть до второй половины XIX в. все мужское население этого региона было причислено к Башкирскому войску.

³⁶ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 2, д. 21, л. 2–6.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 35.

³⁹ В 1930 г. женсекции в Осоавиахиме ликвидировали, а через год опять восстановили (Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. М., 1930. С. 45–51).

⁴⁰ *Никонова О.Ю.* Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. № 40–41. 2005. С. 282–289.

⁴¹ *Kuhr-Korolev C.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen, 2005. S. 189–202.

⁴² *Кон И.* Мускулистая маскулинность. Атлетизм или милитаризм? // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 114–126.

⁴³ О популярности западных фильмов в межвоенном СССР см.: *Кларк К.* Становление советской культуры // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 146–173.

⁴⁴ Итоги работы и очередные задачи Осоавиахима. Доклад тов. Уншлихта на 2-м Пленуме ЦС Осоавиахима // Бюллетень Осоавиахима. 1928. № 8–9. С. 17.

⁴⁵ Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. С. 9, 40–44.

⁴⁶ Итоги работы и очередные задачи Осоавиахима. С. 18.

⁴⁷ ОГА ЧО, ф. П-1052, оп. 1, д. 2, л. 339–341.

⁴⁸ Знак «За ударную конную работу» учрежден 24 марта 1934 г., нормы и знак «Ворошиловский всадник» были утверждены соответственно 4 марта и 2 июня 1936 г., «Юный ворошиловский всадник» – в 1938 г., знаки «Моряк» и «Юный моряк» были введены в 1939 г., «Коротковолновик Осоавиахима СССР» – в 1940 г., «Инструктор парашютного спорта» появился в 1933 г., «Спортсмен-парашютист» – 29 апреля 1936 г. Звание и знак «Мастер парашютного спорта» появились в сентябре 1934 г. Знак «Юный авиастроитель» был введен в 1935 г. Знак «Снайпер» учрежден 4 сентября 1933 г. (См.: *Кузнецов Д.Н.* Нагрудные знаки оборонного общества. М., 1983).

⁴⁹ Там же. С. 22–23.

⁵⁰ ЦДОО СО, ф. 61, оп. 2, д. 527, л. 112–113.

⁵¹ Там же, л. 37.

⁵² ОГА ЧО, ф. П-1052, оп. 1, д. 1а, л. 228–385.

⁵³ ЦДОО СО, ф. 61, оп. 2, д. 1209, л. 85–118.

⁵⁴ ОГА ЧО, ф. П-1052, оп. 1, д. 104, л. 393.

⁵⁵ На II Всесоюзном съезде Осоавиахима было принято решение об увеличении размеров членских взносов, они перестали быть «копеечными»: для рабочих с небольшими окладами взносы повышались с 60 коп. до рубля, со средними – с 1 руб. 20 коп. до 2 руб., с высшими – с 1 руб. 20 коп. до 3 руб., крестьяне-середняки должны были платить вместо 30 коп. – 60 коп., взносы бедняков и батраков увеличивались с 10 до 20 коп. (РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 65, л. 199–208; ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 151, л. 33–34; Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. С. 51–53, 57).

⁵⁶ ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 396, л. 14.

⁵⁷ Если в 1928 г. эти местные оборонные общества перечисляли Центральному совету 50% от собранных взносов, то в 1930 г. размер отчислений был увеличен до 65% (РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 65, л. 199–208; ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 151, л. 33–34; Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. С. 51–53, 57).

⁵⁸ РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 65, л. 199–208 об.; Бюллетень Осоавиахима. 1928. № 8–9. С. 34–35.

⁵⁹ РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 65, л. 199–208.

⁶⁰ Оборонные общества занимались, например, борьбой с сельскохозяйственными вредителями, отлавливали уличных собак, изготавливали плакаты и другую печатную продукцию.

⁶¹ ОГА ЧО, ф. П-1052, оп. 1, д. 104, л. 296–307.

⁶² РГВА, ф. 33989, оп. 1, д. 20, л. 365.

⁶³ Вероятно, речь идет о 13-м Уральском стрелковом корпусе (ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 153, л. 2, 88).

⁶⁴ *Гошуляк В.В.* Оборонно-массовая работа партии... С. 99–100.

⁶⁵ ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 153, л. 95–99.

⁶⁶ Там же, л. 118–120.

⁶⁷ ОГА ЧО, ф. П-1052, оп. 1, д. 1а, л. 95–105.

⁶⁸ ГА СО, ф. Р-2516, оп. 1, д. 2, л. 89–99.

⁶⁹ Имеется в виду табельное обмундирование. Стиль и орфография документа сохранены.

⁷⁰ ОГА ЧО, ф. П-1052, оп. 1, д. 2, л. 502.

⁷¹ Там же, д. 1а, л. 95–105.

⁷² Там же, л. 228–385.